

ФИЛОЛОГИЯ SUB SPECIE COMMUNICATIONIS: В ПОИСКЕ «СОПРЯЖЕНИЙ»

Т.Д. Венедиктова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tvenediktova@mail.ru

Аннотация: В статье обсуждается внутренняя логика становления и развития коммуникативно-ориентированной филологии, в частности, т. н. энактивистская парадигма в текстовых исследованиях, подразумевающая расширение и радикализацию прагматических (лингвистического и литературоведческого) подходов. Процесс речевой коммуникации мыслится как воплощенный материально и телесно, погруженный в ситуацию, неотрывный от жизнедеятельности и самопроизводства субъекта. Соответственно, в фокус внимания выносятся акты «структурного сопряжения», в которые сознание и тело человека вовлечены наряду с социальной, культурной и природной средой. Такой подход к анализу текста взаимосвязан с актуальным пересмотром категории эстетического и открывает новые перспективы для расширенного междисциплинарного сотрудничества — в частности, взаимодействия филологических субдисциплин с психологией, антропологией, нейроэстетикой.

Ключевые слова: теория дискурса; теория литературы; медиология; междисциплинарность; эстетический опыт

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-06-8

Для цитирования: Венедиктова Т.Д. Филология sub specie communicationis: в поиске «сопряжений» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 6. С. 120–130.

PHILOLOGY SUB SPECIE COMMUNICATIONIS: IN SEARCH OF “STRUCTURAL COUPLINGS”

T. Venediktova

Lomonosov Moscow State University, Moscow; Russia; tvenediktova@mail.ru

Abstract: Interconnection between philological studies and communication studies in the 20th century is being discussed with special focus on the currently prominent enactivist paradigm. This can be viewed as a new incarnation of philosophical pragmatism, an enhancement and radicalization of pragmatics, linguistic and literary. Thinking of speech events and literary works as embodied, embedded,

enactive and extended, exploring sense-making in its interrelatedness with self-making and vital activities we focus necessarily on structural couplings — the complex interactions of consciousness, emotion, bodily perceptions/reactions and environment. The experiential approach is interconnected with the current revision of aesthetics. The relevant emphasis on aesthetic experience rather than objects or “devices” of language arts offers a basis for interdisciplinary cooperation between philological subdisciplines and life sciences (psychology, anthropology, neuroaesthetics).

Keywords: discourse theory; literary theory; media studies; interdisciplinarity; aesthetic experience

For citation: Venediktova T. (2024) Philology Sub Specie Communicationis: In Search of “Conjugations”. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 120–130.

...Все соединить? — сказал себе Пьер. — Нет, не соединить. Нельзя соединять мысли, а сопрягать все эти мысли — вот что нужно!

Л.Н. Толстой

Мысль должна жить и прирастать все новыми и лучшими переводами, иначе ее придется признать ненастоящей мыслью...

Ч.С. Пирс¹

Становление филологии как университетской дисциплины происходило в XIX веке под знаком истории, а в XX столетии важным ориентиром ее развития стала семиотика. Лингвистику, сформировавшуюся в этом русле, Р. О. Якобсон в 1960 году уверенно описывал как «наиболее продвинутую и точную» из наук о человеке, средоточие гуманитарного знания [Якобсон 1985: 370]. Критика и творческая самокритика структурализма способствовали в дальнейшем (под конец XX века) новому расцвету теории, по преимуществу литературной. По мере расширения ее влияния «переформатировалось» в очередной раз поле взаимодействия между наукой о словесности и наукой о коммуникации. Исследования дискурса как тренд междисциплинарной работы были нацелены на проблематизацию взаимосвязи между речевыми, в том числе литературными, практиками, социокультурными контекстами и «медиа» (меняющимися технологиями производства, передачи и хранения текстовой и образной информации). «Дискурсология» от самого своего зарождения — не кабинетная и даже не библиотечная наука, скорее — лабораторная, если полагать лабораторией социум и культуру в целом.

¹ [Collected Papers of Charles Sanders Peirce: 594].

Речевая деятельность, понятая как дискурс, представляет интерес в ее широко понимаемой функциональности — соответственно, и текст стал интересен не как объект, а как процесс сотрудничества, одновременно и локус, и средство соучастного коммуникативного взаимодействия.

На начало XXI столетия ландшафт науки вновь изменился, а еще недавно популярные разговоры о «смерти теории»² в очередной раз обнаружили свою «преждевременность». Сегодня особенно заметное приращение знаний о человеке происходит в поле взаимодействия между «науками о жизни» (life sciences) — антропологией, психологией, когнитивистикой и нейронаукой — и (традиционно отделяемой от них) социогуманитарной сферой. Характер возникающих в этом поле продуктивных импульсов и их влияние на филологические субдисциплины не может нас не занимать.

Кафедра общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) создавалась на филологическом факультете МГУ двадцать лет назад именно с целью сосредоточения на относительно новой и быстро обновляющейся проблематике — общефилологической, под знаком коммуникации, *sub specie communicationis*. Существование кафедры с тех пор имело вид непрекращающейся дискуссии — круглых столов, групп совместного чтения, экспериментальных спецкурсов и семинаров. Речь шла и идет не о флюгерообразном следовании поветриям и интеллектуальным модам, которые в мировой науке возникают, стремительно циркулируют, потом отмирают или трансформируются, а о том, чтобы в пестрых новациях учиться видеть системность, неслучайные векторы развития. Сотрудничество в рамках кафедры лингвистов и литературоведов, а также представленность целого ряда специализаций, ни одну из которых узкой не назовешь (медиология и теория дискурса, лингвокультурология и психолингвистика, переводоведение, прагматика письма и чтения), обязывают к творческому маневру, гибкому согласованию интересов. Я попытаюсь здесь кратко описать характер достигнутого на сегодня консенсуса и открывающиеся на этой основе дальнейшие перспективы.

Одним из условий научного диалога «в новом ключе» признан отход от тексто- и лингвоцентризма (что по понятным причинам непросто для филолога) и выбор в пользу коммуникативной доминанты. Тренд этот, разумеется, возник не вдруг: на разных этапах в его формирование внесли вклад философия и психология, теория речевой деятельности (здесь самоочевидно важна роль российских

² В этом смысле выразительна концепция недавней книги Г. Тиханова, отобразившаяся в формулировке, вынесенной в ее название, — «Рождение и смерть литературной теории» [Tihanov 2019].

ученых, таких как Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, А.Н. Леонтьев и др.), а в последние полвека на лидерскую роль довольно успешно претендует теория живых систем. С прямыми ссылками на последнюю в 1990-х годах сформировалась междисциплинарная парадигма т. н. энактивизма³. Последователи чилийских ученых Умберто Матураны и Франсиско Варелы полагают базовой аксиомой представление о жизни как интеракции, о культуре как сети отношений и о коммуникации как о процессе производства соучастия. Процесс коммуникации адаптивен по широкой (культурной и природной) функции и уже поэтому не сводим к передаче символических значений с целью воздействия. Он неотрывен от жизнедеятельности субъекта, всегда воплощен материально и телесно, погружен в ситуацию. В фокус внимания выносятся акты «структурного сопряжения» (structural coupling), в которые вовлечены сознание и тело человека наряду с социальной, культурной и природной средой. Свойства речевой коммуникации, интересующие исследователей в первую очередь, описываются уже привычной аббревиатурой «4Е» (embodied, embedded, enactive, extended), что подразумевает ее (коммуникации) деятельностно-перформативную природу, а также материально-телесную воплощенность и распределенность в контексте-среде.

Происходящий на наших глазах методологический поворот нередко описывается как «поворот к *опыту*» или «экспериментальный поворот» (experiential turn). Разумеется, понятие «опыт» не ново для гуманитаристики. На уровне здравого смысла опыт ассоциируется с накоплением уже сложившегося, готового, оформленного знания. Энактивистское понимание опыта, однако, акцентирует в нем момент становления, спонтанности, незавершенности, а также взаимообращаемость объективного и субъективного, чувственного и умозрительного, неосознаваемого (дореклексивного) и осознаваемого. Привычной логике бинарных оппозиций противопоставляется принципиальная ставка на недвойственность, целостность и открытость изменениям.

Очевидно, что интерес к «экспериментальности» был обусловлен отчасти усталостью от абстракций, которыми увлекалась и структуралистская, и постструктуралистская мысль, отработанностью того и другого набора познавательных возможностей, отчасти же — повышением статуса и влияния эмпирической науки, которая в си-

³ Важной вехой считается публикация в 1991 г. монографии Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош, см.: Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. Русский перевод: Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. М., 2023.

туации т. н. антропоцена сосредоточилась на изучении жизнедеятельности и эволюции экосистем. Для нас важнее всего то, что между ансамблем «наук о жизни» и гуманитарной наукой образовалось промежуточное и в некотором смысле ключевое звено — исследовательские программы когнитивистской и медиологической направленности. В последние десятилетия именно они развивались особенно динамично, при этом когнитивистика все дальше уходила от «компьютерной» модели сознания, на которой базировалась исходно, — а медиология все глубже вникала в разнообразие механизмы опосредования (преобразование внешних стимулов в психологические процессы, технологические расширения модальностей восприятия и т. д.).

Словесность в энактивистской парадигме трактуется как эволюционирующая система кооперативных действий, коллективных и интерсубъективных. Сосредоточенность на взаимодействиях подразумевает для текстовых исследований ряд «вызовов» и открывает перед ними ряд возможностей. Например, лингвокультурология, социо- и психолингвистика, наряду с более привычной установкой на описание целостных и стабильных культурных ансамблей, настраиваются на наблюдение конкретных интеракций и диалогических практик, спонтанно согласуемых друг с другом поведенческих актов, т. е. вышеупомянутых «структурных сопряжений» [Raczaszek-Leonardi, Kelso 2008].

Особенно интересные и отчасти неожиданные перспективы в свете энактивистского подхода открываются перед исследованиями, сосредоточенными на индивидуальном, личном, творческом использовании слова. На протяжении XX столетия предпринималось множество попыток выяснить природу т. н. «литературности» — в основном, через языковую специфику (доминирование, по Р. Якобсону, общеязыковой «поэтической функции»). Приглашение думать о речи как интерактивной среде означает, что фокусом служит не произведение-объект и не совокупность формальных приемов, а эстетический опыт, отчасти, но не всецело ими обусловленный. Заодно с проблематизацией опыта происходит и глубокая проблематизация категории эстетического в целом.

Постфактум становится ясно, что, вводя в обиход слово «эстетика», Александр Баумгартен в XVIII веке по сути попытался предложить альтернативную (классическому рационализму) теорию познания. В дальнейшем эстетика стала трактоваться не как чувственное познание (*scientia sensitiva*), а гораздо уже и без связи с познавательными практиками — как теория искусства или даже (еще уже) нормативное знание об идеальных законах прекрасного. Под конец XX века когнитивистика предъявила запрос на исходную,

широкую постановку исследовательской задачи. Востребован в этой связи оказался и взгляд на «искусство как опыт», предложенный Джоном Дьюи почти сто лет назад [Dewey 1934]⁴. Эстетическое исследование сегодня подразумевает систематическое внимание к перцептивному, чувственному, аффективному опыту в его сопряженности с другими опытными пластами, т. е. внимание к тому, что невидимо предшествует интерпретации символических значений и ее сопровождает. К числу активно изучаемых факторов литературной коммуникации относятся соучастная вовлеченность, чувственно-эмоциональная сонастройка, «квази-телесная» идентификация, разнообразные формы «вдействия» (enaction) в текст.

Развивая энактивистский подход применительно к искусству слова, мы упираемся в любопытный и — повторю еще раз — нелегкий для филолога парадокс. Мы начинаем понимать, что в некотором очень существенном смысле опыт восприятия «лучших слов в лучшем порядке» (так С.Т. Кольридж определял когда-то искусство поэзии) до- и транс-лингвистичен. Потенциально ценным партнером филологии в исследовании литературного опыта оказывается поэтому быстро развивающаяся нейронаука. Идею Jakobsona о поэтической функции как доминанте литературной речи любопытным образом дополнил, например, нейрофизиолог Я. Панксепп — предположив, что акт литературного творчества и встречного ему восприятия включает в работу древнейшие нейронные цепочки, связанные с переживанием удовольствия или неудовольствия. Разработка т. н. гипотезы Панксеппа — Jakobsona⁵ подразумевает не редукцию сложного к простому, а понимание сложности как бы простого и стремление проследить между ними цепочку «сопряжений». Последнее осуществимо либо путем эксперимента (тонкого и точного замера), либо путем пытливой рефлексии (феноменологического описания) — эти качественно разные и традиционно разные методы в итоге направляемы к одной цели. В порядке продвижения к ней как раз и завязывается увлекательный диалог между литературоведением, лингвистикой, когнитивистикой, нейронаукой, антропологией.

Всех нас по-разному интересует, например, *метафора* — одновременно базовое средство когниции и цвет риторического мастерства. Всех же по-разному интересует *аффект* — сложное, смутное, внутреннее состояние, яркое или тонкое, «атмосферное», по-своему

⁴ Важно учесть, что идеи созвучные высказывались по-русски современника-ми Дьюи, в частности М.М. Бахтиным и Л.С. Выготским.

⁵ Об этом: [Jacobs 2015].

богатое и эстетически ценное⁶. Пунктов общего интереса, связанных с работой *творческого воображения, внимания, памяти, эмпатии* и т. д., обнаруживается множество. Собственно литературоведческие и как будто хорошо разработанные категории в логике интеракции также переосмысливаются. Например, в художественной *форме* мы ищем не соответствие содержанию, а латентное действие, реализуемое читателем-адресатом. *Нарративность* ассоциируется не с предъявленной в тексте сюжетной схемой, а, опять-таки, с характером соучастного опыта, получаемого в акте чтения (поэтому возможен рассказ без сюжета, но невозможен — без переживающего субъекта [Fludernick 1996]). *Авторская функция* проявляется не как заложенная в тексте интенция, а как стратегия побуждения читателя к встречному усилению смыслопроизводства.

Важную и до сих пор недооцененную в процессе производства литературных смыслов роль играют материальные аспекты коммуникации. На них призвал сосредоточиться Х.У. Гумбрехт в книге «Производство присутствия» [Gumbrecht 2004], и двадцать лет назад его призыв — исследовать в тексте «эффекты присутствия» дополнительно к (более понятным) «эффектам значения» — многим филологам показался экзотическим и странным. Сегодня, однако, именно в этом и параллельных руслах множится число исследовательских проектов⁷ — разговор о материальности, вещественности, воплощенности, виртуальности переплескивается из одной гуманитарной дисциплины в другую. Конечно, это не случайно. В цифровой, насквозь медиатизированной культуре *перцептивная иллюзия непосредственности коммуникативного контакта* (самое общее определение «присутствия») вырастает в проблему, в некотором смысле ключевую.

Описать «рабочий консенсус», сложившийся явочным порядком в литературоведческой профессии к середине второго десятилетия XXI века, едва ли возможно — слишком пестро и подвижно дисциплинарное поле. И все же: «литературность» мы сегодня все более склонны искать не в тексте (как особое его свойство или набор свойств), а в действиях, сопряженных с текстом и его пронизываю-

⁶ Отсюда — нарастающее внимание к того рода речевым сигналам, которые Ч.С. Пирс описывал как индексальные и иконические, а его младший современник У. Джеймс как «транзиторные» (иначе — контекстуальный «ореол» слов как семантических единиц). В литературной речи функция подобных знаков, указующих/остенсивных или ориентирующих, исключительно велика, и только сегодня начинает исследоваться всерьез.

⁷ См. отчет о конференции, состоявшейся на филологическом факультете МГУ в марте 2024 года «Производство присутствия: 20 лет спустя» — Швеиц А.В., Левина П.С., Сосина Е.Д. Эффект присутствия: проблемы и перспективы изучения // Новое литературное обозрение. 2024. № 190 (5). С. 401–409.

щих. Литературу мы все чаще представляем как своего рода «монтажный стол», на котором производятся смысловые комплексы, несводимые к «отражению» или репрезентации реальности. Читателей они оставляют с парадоксальным ощущением целостности, но незавершенности мысли, о чувственно-эстетической природе которой (не мысли, пожалуй, а «домысли»⁸?) мы знаем существенно меньше, чем о логике построения пропозиций. Познавательный акт, производимый в режиме взаимодействия, многослоен и многоаспектен, часто неожиданен и никогда не окончателен (рекурсивно отсылая к происходящей интеракции, он тем самым ее и продолжает).

Одним из следствий сосредоточенности на интерактивной природе текста стало расширение представлений о его медийной природе. Литературная речь всегда по умолчанию сводилась к «буквенной», письменно-печатной форме, которая сравнительно с речью устной кажется статичной, монологичной, бестелесной, односторонне контролируемой авторской интенцией и системой условностей. Но как уже сказано выше, эстетический «ангажемент», возникающий по ходу литературного чтения, подразумевает заодно с усвоением информации и процесс «вдействия» (enaction), соучастия, вовлеченности. Процесс этот хорошо знаком любому читателю, но от понимания того, как и за счет чего он происходит, мы пока далеки. Как в немом буквенном значке проступает для нас отзвук неповторимого голоса, интонационный контур или вызывающий к миметическому подражанию жест? Как производится эффект эмпатического отождествления или «соприсутствия» собеседника (автора, рассказчика, персонажа)? Во всех случаях микро-акт воображения стимулируется чувством языка, что обеспечено нейронными связями. С учетом вновь возникающих возможностей их инструментального исследования «полигон» литературы оказыва-

⁸ Введенное Л. Ельмслевом и в данном случае релевантное понятие *mening* отсылает не к значению, скрепленному с единицей формы, а к событию обретения значения как открытому в будущее процессу. На английский датское слово *mening* переводится как *purport*. М.В. Ильин предложил на русский переводить его как «домысль» [Ильин 2023: 20]. Не исключено, что секрет словесного и интеллектуального творчества в целом — человеческого творчества, в отличие от продуктов искусственного интеллекта, — это именно «домысль». Машинный разум и силен, и ограничен своей бестелесностью, способен создавать практически бесконечные сочетания слов, звуков, образов, но не может удивиться-растеряться, озаботиться или встревожиться непониманием, предугадать новую возможность, преобразуя акт познания в социальный акт взаимодействия и наоборот. Предельная и, вероятно, недостижимая точка в горизонте развития ИИ — умение слышать/видеть по-человечески, соучаствуя в акте порождения смысла.

ется исключительно удобен для изучения сложных, нетривиальных познавательных актов.

Небезразличен и тот факт, что с текстами — новыми, старыми и совсем древними — мы все чаще соприкасаемся в электронном виде: Слово при этом, с одной стороны, «виртуализируется», с другой — как бы вспоминает о своей «материальности». В мире, где коммуникации опосредованы «цифрой», интерактивность, а заодно с нею полимодальность, поликодовость, интермедийность становятся нормой, перестают восприниматься как особые случаи. Отсюда — насущность исследования форм трансмедийного преобразования, например, связанных с адаптацией литературных произведений в контекстах визуальных и аудиальных искусств. Литературную деятельность в целом можно определить как «перевод», если использовать это слово в самом широком из возможных смыслов (как у Пирса, см. эпиграф). Перевод — это письмо и чтение, переписывание и перепрочтение, цитирование и оценка, толкование, адаптация и иные виды ре-контекстуализации. Говорящие, пишущие, читающие и многочисленные посредники между ними — все на равных, но по-разному — участвуют в созидании смысловых форм и отношений. Качество литературного произведения определяется в итоге не только и не столько авторским «гением», сколько траекторией, которую оно описывает в культурном ландшафте. Чуткость к многообразию таких траекторий, готовность работать с широким спектром речевых практик, умение проследживать неочевидные связи (например, между технологией и эстетикой, поэтикой и политикой, чувственным переживанием и интеллектуальным конструктом и т. д.) — все это свойства, которые современный филолог обязательно должен в себе развивать. Они помогут грамотно и эффективно выполнять работу по сохранению культурного наследия — во взаимосвязи с работой на будущее.

Подытоживая, можно сказать следующее. Формы аналитической работы со словом и текстом в наши дни эволюционируют как никогда быстро, отчасти под «давлением» жанровых новаций, которыми словесность реагирует на социальные и технологические стимулы. Если взглянуть на процесс обобщенно, то следует признать едва ли не важнейшим вектором этой эволюции нарастание значимости аналитических подходов, приемов и навыков, которые в совокупности аналогичны периферическому видению. Сравнительно с центральным, периферическое зрение расфокусировано, размыто и субъективно, но оно и ценно — именно тем, что охватывает предмет в многообразных связях, в целостно-объемлющем его пространстве, предохраняя наблюдающего от т. н. «туннельного» эффекта. Периферическое восприятие всегда служило важным ресурсом

выживания человека, а также творчества, в том числе эстетического. Для определенного класса познавательных задач наличие или отсутствие этого компонента восприятия имеет решающий характер (например, драгоценно-загадочную улыбку на губах Джоконды люди воспринимали и воспринимают исключительно периферическим зрением — тень улыбки возникает «на обочине» ясно зримого образа). Современная теория активно разрабатывает именно этот ресурс, исследуя сетевые отношения, которые объемлют и пронизывают как отдельное высказывание, так и культурный текст в целом, сообщая им момент движения. Техники и методы работы в этой относительно новой области требуют постоянного мониторинга со стороны заинтересованных специалистов-филологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин М.В. Лингвистические повороты: упущенные шансы и наличные возможности // Политическая наука. 2023. № 3. С. 11–37.
2. Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
3. Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Eds. C. Hartshorne, P. Weiss and A.W. Burks, 8 vol., Cambridge (Massachusetts), Belknap, 1931–1966. Vol. 5.
4. Dewey J. *Art as Experience*. N.Y., 1934.
5. Fludernick M. *Towards a 'Natural' Narratology*. London/New York, 1996.
6. Gumbrecht H.U. *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Stanford, 2004.
7. Jacobs A.M. Neurocognitive Poetics: Methods and Models for Investigating the Neuronal and Cognitive-Affective Bases of Literature Reception // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2015. V. 9. Электронный ресурс: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2015.00186/full> (дата обращения: 12.11.2024).
8. Raczaszek-Leonardi J., Kelso J.A. Reconciling Symbolic and Dynamic Aspects of Language: Toward a Dynamic Psycholinguistics. *New Ideas in Psychology*. 2008. V. 26 (2). P. 193–207 (<https://doi.org/10.1016/j.newideapsych>)
9. Tihanov G. *The Birth and Death of Literary Theory. Regimes of Relevance in Russia and Beyond*. Stanford, 2019.

REFERENCES

1. Il'in M.V. Lingvisticheckie povoroty: upushhennyye shansy i nalichnyye vozmozhnosti. [Linguistic turns: Missed chances and available opportunities]. *Politicheskaja nauka* [Political Science]. 2023, no. 3, pp. 11–37.
2. Jakobson R. *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. Moscow, *Progress Publ.*, 1985.
3. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Eds. C. Hartshorne, P. Weiss and A.W. Burks, 8 vol., Cambridge (Massachusetts), *Belknap*, 1931–1966. Vol. 5.
4. Dewey J. *Art as Experience*. N.Y., 1934.
5. Fludernick M. *Towards a 'Natural' Narratology*. London/New York, 1996.
6. Gumbrecht H.U. *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Stanford, Calif.: *Stanford University Press*, 2004.
7. Jacobs A.M. Neurocognitive Poetics: Methods and Models for Investigating the Neuronal and Cognitive-Affective Bases of Literature Reception. *Frontiers in Human*

- Neuroscience. 2015. V. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2015.00186/full> (accessed: 12.11.2024).
8. Raczaszek-Leonardi J., Kelso J.A. Reconciling Symbolic and Dynamic Aspects of Language: Toward a Dynamic Psycholinguistics. *New Ideas in Psychology*. 2008. V. 26 (2), pp. 193–207 (<https://doi.org/10.1016/j.newideapsych>)
 9. Tihanov G. *The Birth and Death of Literary Theory. Regimes of Relevance in Russia and Beyond*. Stanford, *Stanford University Press*, 2019.

Поступила в редакцию 07.07.2024

Принята к публикации 15.10.2024

Отредактирована 19.11.2024

Received 07.07.2024

Accepted 15.10.2024

Revised 19.11.2024

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Дмитриевна Венедиктова — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tvenediktova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana D. Venediktova — Prof. Dr., Head of the Department of Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tvenediktova@mail.ru